
ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Геннадий КАЦОВ

ПОРТРЕТ
НЕОПОЗНАННЫХ
ПРИШЕЛЬЦЕВ
НА ФОНЕ МОЛЧАЛИВОГО
УШЕЛЬЦА
О Викторе Сосноре

Ветр рождается и сдувает с краев земли Гео архитектуру. Я видел у моря свыше миллиона молящихся с головами. Вдруг дунуло и сняло им головы и куда-то дело. А они ушли, воздев руки. Отчего?

В. Соснора. Дом дней

Ох, тошно мне на чужой стороне! Чужая сторона — Земля.

В. Соснора. Дом дней

По одной из теорий происхождения человека, родственной теории происхождения жизни — панспермизму, инопланетяне пришли на Землю и здесь поселились. Таким образом, у сторонников эволюции по Дарвину или Ламарку отпадает необходимость в поиске того самого недостающего звена между обезьяной и человеком.

Мы — потомки пришельцев. Мы удачно на нашей голубой планете мимикрировали, но в каждом поколении всегда найдется тот особый *genius loci*, и он не один, кто несет в себе генетическую память о предках с родной Альфа-Центавры или двойной звезды Мицар и Алькор в созвездии Большой Медведицы. И кто только внешне по-

Геннадий Кацов — поэт, прозаик, эссеист, журналист. В середине 1980-х был одним из организаторов легендарного московского клуба «Поэзия» и участником московской литературной андеграундной группы «Эпсилон-салон» (отцы-основатели — Н. Байтов и А. Бараш). Автор девяти прозаических и поэтических книг. Совладелец нью-йоркского издательства «KRiK Publishing House». Стихи вошли в антологию современной русской поэзии «Самиздат века». Постоянно публикуется в периодических изданиях США, России и Европы. Живет в США.

хож на людей, но по параметрам своего внутреннего мира чужой среди прочих сородичей. Такой пришелец запросто напишет: «Я смотрю с интересом: / кесарь я или слесарь?» — и все окружающие земляне должны небеса благодарить за то, что фраза столь внятно артикулирована и легко принимается читательским разумом.

...Я вижу ложку, она новенькая, как линкор, круглая, длинная и стальная, как птица. На ложке к нам едут м. и ж., жено-мужи... Мы знакомимся, они люди, мне далеки. Что ж делать?.. Говорить придется о рельсах, о морском свете, о рыбах с лимфой для питания, об семитизме (анти). Но ложка приковывает мой взгляд. Если б я знал, что я рожусь, то я родился б в ложке, едущей по морю и живущей по-простому, с хвостом...¹

По одному из вариантов все той же теории, инопланетяне прибыли на Землю, встретили здесь первобытных полуобезьян-полулюдей, сконструировали из этого уroda современного человека, дали ему знания и представления о Вселенной, после чего ушли восвояси, на ту же двойную Мицар и Алькор. Таким образом, ушельцы создали человечество, оставив нас сиротами, и только немногие среди наших современников знают, помнят об этом и способны в своем затворничестве хранить поэтизированные инопланетные сны и тайны. Им, потомкам ушельцев, запросто написать в силлаботонике: «И если это человеки вокруг, / Я отрекаюсь: я — не человек», — после чего никак не тяготиться тем, что связь с внешним миром для них — все реже и тише.

Я здесь чужой, и люди мой не чтут
высокий слог, уныл у нас Солярис,
и лгут, и бьют лежачего... На что
я, говорящий ясными словами?²

Есть еще одна трактовка все того же взгляда на историю человечества, по которой инопланетяне периодически, вроде челноков, посещают Землю и находятся — здесь и сейчас — среди нас. Эти командировочные влезают во все сферы планетной жизни, включая политику и управляя землетрясениями, но мы не в состоянии их обнаружить, поскольку они наши точные копии, наши клоны. В случае провала они запросто могут съесть пуд френч-фрайза в «Макдональдсе», лишь бы доказать, что никакие они не жители все той же Мицар и Алькор. Я предлагаю называть их, по типу пришельцев и ушельцев, сейшельцами, раз они в любой момент времени, сейчас, могут оказаться нашими соседями, а то и коллегами по работе. Хотя, терминологической чистоты ради, в этом случае регулярно придется пояснять, что речь не идет о труженниках Сейшельских островов. Сей-шелец, как и при-шелец, так и у-шелец — не «ч-к».

...Море — оно, и яйцо — оно, оба рождение. Третье — солнце. А то, что водит от луны до луны, это лиризм. Я видел ноги святых, лежащие на телеге, но я ж не плачу, как ч-к; рисую. Среди железобетонных игл современности я — один, жесток, животное, и раз в день, суров, рисую. Господи, — говорю я, — неужели я видел напрасно? Неужели опять скажут — он основатель новой школы форм? Это я, кровавый?...³

¹ В. Соснора. Дом дней. Пушкинский фонд, 1997.

² В. Соснора, *anno iua*, 45, из сб. «Мартовские иды», 1983.

³ В. Соснора. Дом дней. Пушкинский фонд, 1997.

Пришелец

Виктор Соснора родился на третьей по счету планете от Солнца в 1936 году. Это все одно поколение: Александр Кушнер (1936), Леонид Аронзон (1939), Иосиф Бродский (1940). Разница между поэтами и поэтом Соснорой, уже на этапе рождения, была в двух знаковых вещах. В фильме Владимира Непевого «Пришелец» (2011), посвященного Сосноре, дикторский текст сообщает зрителю о том, что герой фильма был вскормлен молоком львицы, то есть, надо понимать, рожден быть свободным; кроме того, появился на свет с двумя головами.

О том же Соснора сообщает и в главе «Рождение» его прозаической книги «Дом дней»: о своем необычном явлении земному миру — скрупулезно («Ну, это нарыв, мозговой нарыв, в медицине „вторая голова“ называется...»), с мелкими подробностями, как свидетель, уже неоднократно выступавший на процессе по делу о собственном рождении: «Я родился с двумя головами. Одну я ношу, а вторая была — вздувшаяся, кое-где обозначены глаза и рот, безногая, уши нарисованные, бескостная, из хрящей, но в ней много мозга, было. Ампутировали. Втайне, инквизиция могла б направить мое тельце в колбу или в кунсткамеру. Вторая росла из темени моей, оставшейся в живых, и шейка была, с лепестками. Я был обезглавлен, помню, как резали, без наркоза, а я рукой грозил хирургу, он дурак. Если нужно, я расскажу трибуналу, а писать об этом не буду. Та была полна крови и вен. Остался от нее рубец, на темени. Так и рос я, человекен к братьям нашим меньшим — к людям. А ум обдумаем после, лежа средь звездной пыли, с бокалом».

Как говорит пословица, «снявши голову, по волосам не плачут». Сегодня остается только гадать, ту ли голову Сосноре оставили хирурги — самую ли рассудительную из пары, ч-ловечную, одухотворенную и одаренную? И что было бы, случись наоборот? Вполне вероятно, та, с нарисованными ушами, подошла бы «слесарю», и тогда русская литература недосчиталась бы одного из самых невероятных поэтов и «кесаря» русского постмодернизма. При том, что слесарь бы вышел супер, в чем можно не сомневаться. Как и все у Сосноры: высшего, шестого слесарного разряда.

Хотя оставленная после операции голова нахлебалась «помоев» да наелась всего земного и земляного досыта. Так судьба ее накормила, что оставалось только позавидовать той, после родов отсеченной. Если описать в жанре романа лишь первые десять ужасающих лет жизни Виктора Сосноры, то вышла бы гремучая смесь из современных российских бестселлеров, вроде «Венериного волоса», «Дня опричника», «Взятия Измаила», «Автохтонов», «Висельника» и «Возвращения в Египет». Добавить по вкусу немного «Осени в Декадансе», «Трепанации черепа» с «Голубым салом» — и загустевшее, по-книжному червивое варево порадовало бы гурмана, в самый раз перед заворотом у него кишок.

Я рос средь пуль, как гений-музыкант,
В кружочках нот, и что ж держа на сердце? —
один расстрел, одну в законе казнь,
наркот и две клинические смерти⁴.

До семи лет, по его собственным словам, Соснора ровным счетом ничего не помнит: «Потому что до семи лет, когда меня на Кубань... я очнулся верхом на свинье, в степи. Ну, скакали там с мальчишками. И вот с этого момента я помню абсолютно все, а до этого, до семи лет, полный нуль, темнота. Видимо, блокада вышибла. Если

⁴ В. Соснора. Возвращение к морю. III Из сб. «Мартовские иды», 1983.

я пишу об этом в „Доме дней“, то с рассказов матери и бабушки. Я пишу там, что помню, как родился — это мне мать рассказывала, что я заговорил чуть ли не сразу, как родился, буквально через неделю. А через две недели уже операция была..»⁵

Зато *vita memoriae* позже восторжествовала, на десятилетия оттолкнувшись от семилетнего отпрыска, не помнившего о том (странно, если бы помнил), что родился в год назначения Ежова на должность наркома внутренних дел; что отца арестовали костоломы из НКВД, но затем отпустили. Совсем не осталось воспоминаний и о блокадной зиме 1941—1942 года, и о том, как его, маленького Витю с хронической амнезией, вывезли из блокадного Ленинграда по «Дороге жизни» на Большую землю и уже там отправили к родственникам на Кубань. Как пишет во вступительной статье к сборнику Сосноры «Всадники» академик Дмитрий Лихачев: «Он очутился на Кубани и был со спасшей его бабкой захвачен немцами. В семилетнем возрасте он трижды побывал в гестапо, а затем жил в партизанском отряде, которым командовал его дядя. Этот отряд и его командир были расстреляны фашистами на глазах у мальчика. Он спасся только потому, что за четверть часа до расстрела сам был ранен в голову осколком мины. Он видел расстрел отряда сквозь застилавшую ему лицо кровь...»⁶

...А потом отец меня забрал. Он был уже в Войске Польском, и спецсамолетом из Махачкалы или из Ленинграда, я точно не помню, переправил меня к себе в Польшу. Отец командовал корпусом, и он меня хотел откормить, а получилось... он же был совершенно бешеный человек, и он поставил меня снайпером. Сначала дал мне дамский револьвер, чтобы я учился стрелять, и я начал сходу, с первого же раза, бить в десятку. Врожденный снайпер. Он созвал свой штаб, хвастаться. И я пулял. Мне достали легкую английскую винтовку, и я стал снайпером, и войну прошел не при штабе, а в окопах, с солдатами⁷.

Любопытно: при столь цепкой памяти, видимо взявшей реванш после семи первых лет чего-то такого, сродни анабиозу, помнит ли Соснора лица своих жертв? Со знанием дела, с гордостью и нескрываемой бравадой взрослый Соснора рассказывал, что стрелял метко, а снайперского терпения у него было не меньше, чем у львицы, подстерегающей жертву в засаде. И в том самом светлом возрасте от семи до десяти лет, укладывая он немцев намертво, с удовольствием, мол, когда они во время отдыха, срывая тяжелые и неудобные каски, высовывали головы из окопов.

Вероятно, детская психика способна без видимого для себя ущерба, ночных кошмаров и дневных фобий это выдержать (расстрел партизанского отряда; отстрел немцев, ежедневно и планомерно). Ведь мир для хладнокровного, отчаянного семи-восьмилетки — это игра, опасная, но тем и забавная; это смерть повсюду, поскольку игра называется «война» и рядом погибают взрослые дяди и тети. Это из них вытекает липкая кровь, как из крупных кукол с рваными дырочками, а если погибший взрослый оказывается из твоего отряда, то тебе, «сыну полка», светит дополнительная порция порционной каши:

...в жизни ж я застрелил не многих, да и тех от скук,
говорят, что сейчас 600000000 граждан-стран,
вычеркиваем из пулемета нули и оставляю 6.

⁵ А. Скидан. Я все время воюю. Виктор Соснора о языке, русских поэтах и снайперской стрельбе. Журнал «Критическая масса», 2006, № 3.

⁶ Дмитрий Лихачев. Поэт и история. Вступительная статья к сборнику В. Сосноры «Всадники». Л., 1969.

⁷ А. Скидан. Я все время воюю. Виктор Соснора о языке, русских поэтах и снайперской стрельбе. Журнал «Критическая масса», 2006, № 3.

Время — всего лишь тиктаканье, так на так,
и ничего у этого «время» нет, кроме вымысла — вымя слов⁸.

Все, что миновало якобы психику мальчика возрастом до десяти лет, годы спустя высказал, выкричал, выхрипел до немоты его взрослый двойник, пролив на белые листы бумаги чернила, настоянные на едком сарказме, которые не высохали, а с возрастом все больше приобретали фактуру то ли желудочного ядовитого сока, то ли побочного продукта, покидающего организм, когда его тошнит, рвет и выворачивает наизнанку. Если это перевести в параметры лингвистической науки, то инверсий такой силы — по всему семиотическому спектру; такого смешения частей речи, близкого к безумию пишущего (перехлестывая, к примеру, «Стихи о неизвестном солдате» Мандельштама), когда исчезают не только связи между наречием и глаголом, но и сами глаголы, существительные и прилагательные; такой предсмертной на протяжении ряда лет морфо-фонетико-физической судороги (больней цветаевского, на разрыв: «Я не верю стихам, которые льются. Рвутся — да!») и муки — русская поэзия не знала.

И март их ртам наполнит новым быль
о человеке, друге, полководце.
Во всей Москве — ни козы, ни закат,
ни то, ни се, и ус, как уд, ежовый.
На родине рояли не звенят,
и горя много, больше, чем в Европе.
И что уж этот ужас и усы,
все — впереди, и по досье — наука,
на Красной башне в полночь бьют часы,
Иосиф Виссарионович, — ну, как Вам?
Теперь, куда ни плюнь, — и волк, и сед,
жор рож вокруг, живем ужасней казни.
Я Вас любил. Я был солдат в семь лет
в той русской и пятиконечной каске⁹.

Пришелец-2

По окончании войны отца назначают комендатом разнесенной снарядами и разбомбленной в пух и прах Варшавы. В дальнейшем Соснору-старшего переводят по службе из города в город, он с сыном кочует по военным гарнизонам. Школу Виктор заканчивает во Львове. В 1954 году возвращается к матери, в Ленинград. Работает грузчиком на Невском машиностроительном заводе. С 1955-го по 1958 год служит в армии (артиллерийские части), а демобилизовавшись, возвращается на завод, где трудится слесарем-электромонтажником. С 1962 года заочно учится на философском факультете Ленинградского университета, через три года уйдя с последнего курса.

«Учился заочно и зарабатывал себе на хлеб. Работал до 63-го года, даже после того, как был принят в Союз писателей»¹⁰. Первое стихотворение было опубликовано в 1958 году, а первая стихотворная подборка, на тему Древней Руси, была помещена

⁸ В. Соснора. Двери закрываются, 2001.

⁹ В. Соснора. Мартовские иды, IV. Из сб. «Мартовские иды», 1983.

¹⁰ «Последний всадник глагола». Интервью с Виктором Соснорой в «Литературной газете», № 3, с. 5, 15.01.1992.

в газете «Литература и жизнь» в 1960 году. Она сопровождалась комплиментарной статьей Н. Асеева, который с восторгом писал о своеобразии поэтики, о высочайшем даровании молодого автора. И первый стихотворный сборник Сосноры «Январский ливень» (1962) выходит с предисловием влиятельного в то время Н. Асеева. Центральное место в сборнике занимает цикл «За Изюмским бугром. По мотивам „Повести временных лет“ и „Слова о полку Игореве“».

Слуцкий... принес Асееву мою свежую поэму «Слово о полку Игореве»... Эти могучие старики ждали своих детей, их не было. И так прошло мучительных 30 лет. И вдруг, как бы в один миг взошло множество талантливейших внуков. Старые львы оживились и бросились пестовать юных львят. Эти внуки прошли блокады, войны, и к 23-м годам это уже были зрелые и непримиримые мужи. С нами ожили Шкловский, Сельвинский, Каменский, Крученных и даже такие, как Катаев, Паустовский, Твардовский и пр. И вот я сижу в своей коммуналке, после рабочей смены (я зарабатывал на хлеб на заводе). Звонок. В трубке: «Говорит Асеев! — (как «Говорит Москва!») Это был октябрь 1959-го. — Немедленно приезжайте в Москву. Я занимаюсь вашим «Словом»».

И он занялся. К Новому году он уже выступил по всесоюзному радио и дал интервью Герберту Маршаллу (Англия), Иржи Тауферу (Чехословакия) и другим крупнейшим поэтам Европы, да и культуртрегерам, в том числе и Арагону. Началась война. Он собрал всех. И перечисленных мною выше, и тех, с кем поссорился 30 лет назад, он стал мириться и подключил Лилю Юрьевну Брик со всем ее громадным международным фейерверком, и А. Л. Дымшица, очень влиятельного и неоднозначного... Затем Асеев взял в когти члена правительства Поспелова, академика Д. Лихачева, личного секретаря Хрущева Лебедева и зятя Хрущева — редактора «Известий» Аджубея, гл. редактора «Огонька» Софронова и др. К чему я? Время! Ни Запад, ни современные молодые слюни не поймут. Почему ради мальчика такой государственной шум? Да потому, что Хрущев разрушил сталинский ГУЛАГ, но отнюдь ничего не хотел менять в своем ГУЛАГЕ, что и доказал через 4 года — позорной войной с культурой, до судебных процессов и тюрем. Но по самодурству характера, по какому-то неписанному двойничеству он дал «щелочку» все ж свободы, и старые воины понимали, что эта «оттепель» вот-вот заледенеет и нужно пользоваться каждой минутой, чтоб подышать. Вот и шла война за молодежь. За четыре месяца я стал знаменит, распечатан в самых верхнепартийных изданиях и вошел в первую четверку поэтов страны. Что еще ему удалось? Выпустил первую книжечку моих стихов и буквально бичом загнал в Союз писателей. По тем временам неслыханно много, хотя он считал, что ничего не сделал.

А потом начались другие дела. Асееву готовили Полное собрание сочинений, он был выдвинут на Ленинскую премию, он был полон энергии и абсолютно убежден в этих штуках. И в 62-м году все это рухнуло. Сочинения выбросили из издательства, премию не дали, и на него полетели листья во всех газетах, хамили, как умеют. Между тем он был уже двадцать лет серьезно болен туберкулезом — две пункции в неделю, он не выходил из дома 20 лет, даже форточку не открывал. Тюрьма. Полный пыла и надежд, после удара он сник... Через месяц он попал в больницу уже с легочным кровотечением и через два — умер...¹¹

Известность ленинградца Виктора Сосноры в считанные месяцы достигает пика и по популярности соперничает с поэтической, эстрадной славой москвичей Андрея Вознесенского, Евгения Евтушенко, Роберта Рождественского, Беллы Ахмадулиной. Фольклорное начало, замешенное на барочной избыточности и фонетически про-

¹¹ Письма Николая Асеева к Виктору Сосноре. Вступительная заметка и публикация Виктора Сосноры. «Звезда», 1998, № 7.

чувствованной архаике, мастерски переосмысленные Соснорой техники футуристов с проникновением, как у будетлянина, в корневые начала языка, алогичная семантика уже на уровне этимона по отношению ко всему содержанию слова, да и манера язвительного, ернического, оскорбительного высказывания — все это не могло оставить равнодушным поколение «политехнического», то есть поэтических фанов «оттепели». И, безусловно, вызывало ревностный интерес у коллег по литературному цеху вперемешку с неизбежной в таких случаях завистью. Плюс «процентов 30–40 его необыкновенной популярности тех лет — это его манера чтения. Это было такое пение, невычурное, там не было никакого позерства. Его внешность в некотором роде соответствовала тому, что он читал»¹².

Стремительный взлет Сосноры к литературному олимпу был труднообъясним для многих в начале 1960-х, и эхо того изумления, недоверия к эстетике самих поэтических текстов, поиск неких связей в СП, правительстве, ЦК, влиятельных спонсоров где бы то ни было доходит и до наших дней. Так, совсем недавно, после публикации мною фрагмента одного из стихотворений Сосноры в фейсбуке:

...Ты, Родина, тебе молясь,
с тобой скитаюсь,
ты — хуже мачехи, моя,
ты — тать святая!

Совсем не много надо нам,
увы, как мало!
Такая лунная луна
по всем каналам.

В лесу шумели комары,
о камарилья!
Не говори, не говори,
не говори мне!

Мой лес, в котором мед и яд,
ежи, улитки,
в котором карлики и я
уже убиты¹³, —

я получаю комментарий от одного уважаемого мною поэта, литературоведа и критика: «Да, дети крупных партийных боссов такие стихи писали и даже печатали с напутствием Асеева». С Асеевым мы уже разобрались выше, но наличие в родословной Сосноры «партийных боссов» было для меня загадкой. Его отец до войны работал в цирке акробатом-эквилибристом, после войны — совсем не в маршалском звании служил в армии, а мать (на Невском машиностроительном заводе работала технологом, позднее — инженером-методистом) не подпустили бы к тайным спискам партийных начальников и на пушечный выстрел.

Однако разного рода легенды пристают к искуснику-поэту Сосноре с тем же успехом, с каким и к похожему на него внешне виртуозу-скрипачу Паганини. Оказы-

¹² Яков Гордин. Поощрение «Поэтом». Интервью на Радио «Свобода». 15 апреля 2011. <https://www.svoboda.org/a/3557942.html>

¹³ В. Соснора. Последний лес, 1973.

вается, «голубой крови» принадлежность к партийным боссам имеет объяснение: «...а дальше уже легенда, потому что когда в 1960-м я стал знаменит — меня Асеев напечатал, — по Москве стали ходить слухи, что я внук Молотова. Потому что — с какой вдруг стати, в двадцать четыре года, и сразу в печать. Сам Асеев никогда ни о чем меня не расспрашивал, он же был из столбовых дворян, страшно богатых. Но тут и он мне говорит: то вы евреем были, когда вас не печатали, то поляком, теперь вот — внук Молотова, вы уж как-то определитесь. (Смеется.) Я ему паспорт показал... А Молотов откуда взялся? Я ведь почему в Алушке родился, потому что семья отца была акробатами-эквилибристами в Ленинградском цирке, областном. И они по всей стране колесили. И мать с ними. И у них подрабатывали актеры, крупные. И подрабатывал Чирков, любимый племянник Молотова, когда не снимался в кино. Знаменитый, вот в „Юности Максима“ он играл. А его любимая племянница, Вера Чиркова, вышла замуж за моего дядю, вот и все родство. Есть еще другие линии, но про них я сейчас не хочу рассказывать. Но Молотов... Когда отца посадили в 37-м и год пытали, мать поехала к Вере Чирковой, схватила нас под руки и поехала. Та позвонила Борису Чиркову, племяннику Молотова. Чирков позвонил Молотову, так и так, друга Сашу, который кормил меня в цирке, посадили. Тот: фамилию скажи, и имя-отчество, завтра перезвоню. И назавтра уже матери позвонили, чтобы она приходила забирать отца. Тот от попыток почти ходить не мог. Оклемался, он же акробат был, о чем разговор. Воевал»¹⁴.

Вслед за первым сборником увидели свет «Триптих» (посвященный Н. Асееву, 1965) и «Всадники» (1969). В полный голос зазвучали темы старорусские, славянская церковная и низовая архаика с поднятыми ею, как с илистого дна, юродством, уродством и жестокостью («Калики»), насмешничеством, переходящим нередко в глумление («Рогнеда»), похотью («Скоморохи») и казнями («Песни Бояна»), кровавыми сечами и распятыми под пытками — как врагами, так и своими. Жуткие времена полужычества, скоморошество, традиции мучить и издеваться, себя не жалеть, защищая дом от врага, и народа своего не щадить, не сдаваясь супостату ни при каких условиях. Ведь жить становилось все легче, все веселее! Ведь если враг не сдается, его уничтожают! И все это актуально-древнее, как кровью, было пропитано визжащими, стонущими аллитерациями, неумолимо перетекающим от строки к строке настроенным синтаксисом, завораживающими повторами, анафорами, рифмами, которым позавидовали бы футуристы; силлабикой, на коей настояны речь автора «Слова о полку Игореве» и ритмы древнеславянских виршевиков XVI—XVII столетий.

Нельзя не отметить, что за несколько поколений от Сосноры в том же «археологическом» направлении рыл словесную руду, на новогреческом, великий Константинос Кавафис (1863—1933). За исключением гомосексуальной любовной лирики, вся его поэзия — это монологи или сценки из истории эллинистического мира на пересечении христианства и язычества, написанные лапидарно-простым языком с вкраплениями архаизмов и современной лексики.

Для поэтического дебюта Сосноры, которому в 1960 году исполнилось 24 года, маргинальные темы с остросоциальными мотивами, литературными провокациями (постмодернизм?!) и манера/форма их исполнения были, со стороны казалось, не самым лучшим выбором в соцреалистическом СССР. Но это, цинично говоря, сработало, привлекло внимание, привело к славе. Стихи сразу получили признание и поставили Соснору в особое положение по отношению к остальным поэтам, оглушавшим в те дни стадионы.

¹⁴ А. Скидан. Я все время воюю. Виктор Соснора о языке, русских поэтах и снайперской стрельбе. Журнал «Критическая масса», 2006, № 3.

И грустить не надо.
 Даже
 в самый крайний,
 даже
 на канатах
 играйте, играйте!
 Алёнушка,
 трудно?
 Иванушка,
 украли?
 Эх, мильонострунно
 играйте, играйте!
 Или наши игры
 оградим оградой?
 Или —
 или — или!
 Играйте, играйте!
 Расторгуйте храмы,
 алтари разграбьте,
 на хоругвях храбро
 играйте, играйте!
 На парных перинах
 предадимся росту!
 Так на пепелищах
 люди плачут,
 поэты — юродствуют¹⁵.

Особо надо выделить то, что на фоне всех описываемых убожеств, древнерусских тягот и бессмысленных зверств того времени постоянно звучит некая лирическая, сострадательная, высокая в своей вере искупительная нота, словно стремящаяся очистить от грехов и просветлить души. Удивляет то, что в многочисленной современной критике о раннем поэте Сосноре я нигде не нашел сравнения этих его невероятных по мощи, с воплем о человечности, надежде и спасении, стихотворений с исторической кинодрамой А. Тарковского «Андрей Рублев». Фильм 1966 года — ровесник сосноровских «Триптиха» и «Всадников». В фильме — восемь черно-белых киноновелл о княжеском раздразе на Руси XV века, которые наблюдает монах-иконописец Андрей Рублев. Внутри царящих беззакония и грязи своей эпохи, он пишет удивительной красоты и гармонии картины. Княжеские междоусобицы, ослепленная всадниками князя Василия артель мастеров-резчиков по камню, избитый до полусмерти скомоорох, монах с залитым кипящей смолой ртом, униженный юноша-самородок, отливающий колокол, — все это тягостное русское черно-белое средневековье завершается у Тарковского цветными кадрами икон Андрея Рублева и его золотисто-голубой палитры, истекающей ярким светом и добром величественной «Троицы».

Любовь — не та, не нота ностальгии,
 не Лотта-с-Гетта за ездой, борзую ль? —
 где соловей уже не нахтигаль...
 О, не любовь, а ты пройдешь, безумец!¹⁶

¹⁵ В. Соснора. «И грустить не надо...». Из сб. «Всадники», 1969.

¹⁶ В. Соснора. Возвращение к морю (попытка). IV. Из сб. «Мартовские оды», 1983.

При чтении древнерусских циклов Сосноры остается то же ощущение: черные буквы на белых листах бумаги, нервное, грубое, лексически не сдержанное повествование о лютых временах, о муках души и греховной плоти, в какие-то мгновения словно обретают цвет и свет; словно вопреки тому, что с остервенением написано в рифму, говорят о всеобщей любви — сквозь страдания и тернии, через проклятия и нескончаемые жертвы. Здесь — о Любви, которая всем лишениям назло.

Слышишь: свист от подземных искр
И до заоблачных верхов...
Как бы ни было тошно, а свист
Над Россией — испокон веков!¹⁷

Д. С. Лихачёв отметил: «Соснора поэтически домысливает летописные сказания». И в дальнейшем его исторические романы, именуемые автором «литературные варианты исторических событий», которые безответственно сравнивали, особенно о периоде царствования Екатерины II, с романами В. Пикуля, — это импровизации по поводу той или иной исторической эпохи (вспомнился современник Сосноры — Сергей Довлатов, короткие рассказы которого о реальных событиях являлись, по сути, авторским вымыслом, всегда обусловленным неким произошедшим в действительности фактом). И древнерусские поэмы Сосноры — никак не переложение, дословное или вольное, того же «Слова». Это самостоятельные произведения, в которых поэт задействовал известных летописных, легендарных персонажей. Собственно, и «Андрей Рублев» — никак не калька с рублевского времени, а взгляд на него из XX века, да и герои фильма говорят без славянизмов, на современном русском языке, в чем Тарковского, кстати, неоднократно упрекали.

Соснора предупреждает: «Меня нужно читать, как я пишу, — книгами. Я не пишу отдельно поэм, новелл, комедий, я ничего не пишу или — книгу»¹⁸. Сегодня это стало знаковым отличием постмодернизма: писать сборниками, циклами, поэмами. Поэтому приводить в статье цитаты из произведений Сосноры — неблагоприятное дело. Все равно как цитировать Хлебникова, который создавал не столько отдельные тексты, сколько собственную, со своими планетами, белыми карликами и черными дырами, лингвистическую индивидуальную Вселенную, при этом скромно именуя себя, то есть уменьшая собственный масштаб, Председателем Земного шара. Всего-то.

Для Хлебникова метафора — не столько поиск общего смысла/признака среди разных предметов и явлений, сколько обозначение законов природы. И благодаря новым метафорам рождаются новые законы природы, которые системно переходят из текста в текст, образуя единый и единственный Текст как сумму интертекстов. В этом они с Соснорой похожи: и в поиске новых смыслов в языке, и в поиске, на основе этих смыслов и звучаний, праязыка, и в том, что все это — постижение законов Универсума, а значит, и приближение к тому самому «первослову». Living in the Universe — значит жить внутри всеобъемлющего Текста. Universe — это uni, всеобщее, единое, главное-первое; и verse, слово, строфа, стих, версификация, то есть то самое Слово из первой строки Евангелия от Иоанна. Даже на бытовом уровне произнеся Universe, англоязычный человек, повторяя *universum* Цицерона, соприкасается с Первотекстом. Со «все есть текст» Дерриды, с представлением структуралистов о речи-тексте, которая высказывает себя через нас. С вынесенным в заголовок сборника определением человека по Бродскому: «Часть речи».

¹⁷ В. Соснора. Соловей-разбойник. Из сб. «Всадники», 1969.

¹⁸ В. Широков. Виктор Соснора. Верховный час, «Знамя», 1998, № 9. <http://znamlit.ru/publication.php?id=579>

У Сосноры, как и у Хлебникова, неясные места в стихотворении расшифровываются в стихотворениях последующих; поднятая тема находит в развитии и получает продолжение в других частях сборника и в других книгах; а трудности прочтения конкретных текстов исчезают, если познакомиться со всем их массивом. И не стоит удивляться, коль иные тексты таким образом становятся комментариями к соседним либо удаленным, что уже совсем позволяет записать Соснору в классики постмодернизма.

БЫЛ АВГУСТ
с уже леденяще еще дешевизна дождем.
БАЛЛАДА:
шел дождь и дрожал наш египетский дом.
А В ДОМЕ
спираль-кипятильник вываривал чай.
ОДНО МНЕ
— грустил фараон, иероглиф писал про Китай.
ИЗВЕСТНО:
он чай чифирил, иероглиф из нефти — не пить.
ИЗ МЕСТИ
он зелье варил — заклинанье от всех нефертить.
ОДНАЖДЫ
узнал он проклятье клейма о любви и разбил свой бокал.
ОДНА ЖЕ
ходила по комнатам хутор-дворца и ее целовал.
ХОДИЛА
вся в каплях купанья, босая, со взором в глазах.
ХОТЕЛА,
как и китайнки, а как-то: ответствий в звездах¹⁹.

Очевидно, можно выделить несколько основных этапов в творчестве Сосноры. Первый в общем, за неимением здесь места, мы уже обозначили — древнерусский, с решением задач, сходных с поставленными Хлебниковым-будетляниным. Хлебников выходит за границы рифмы в белый стих, в верлибр, в метрическую прозу (у виршевиков слова «рифма» не существовало, она называлась «красогласие», что совсем уже богоугодное дело — гармония, сведение краев воедино. Хлебникову этого явно было недостаточно, поскольку Творец, каковым он себя ощущал, — это тот, кто сам создает границы и сам определяет края). Этот путь проходит и Соснора, от книги к книге все дальше удаляясь от силлаботоники, раешника, тактовика, дольника в сторону аллитерированной прозы и верлибра.

С другой стороны, в нем все четче проявляется зачин футуриста. Давид Бурлюк, прочитав сборник Сосноры, восхищенно провозгласил: «Ты — настоящий Он! Жми! Я вырастил весь футуризм, я вырастил двух гениев на В., и вот вырос другой, без меня, но наш. Не третий, а другой...»²⁰ Как и Маяковский, который всегда — на контрасте, не столько синтез, сколько анализ, Соснора — в поиске новых строительных материалов, из которых создает необычные ритмы, рифмы, сравнения. «У меня каждая книга — разная, то есть в моей сфере — открытие. Я не могу себя повторять. Если

¹⁹ В. Соснора ***. Из сб. «Верховный час», 1979.

²⁰ Русский футуризм: Стихи. Статьи. Воспоминания / Сост. В. Н. Терёхина, А. П. Зименков. СПб.: ООО «Полиграф», 2009.

я написал книгу — все, она для меня единственна. Так же писать, как она написана — для меня запрет. Мысли мои начинают крутиться в другую сторону, отталкиваясь от этой формы, избегая ее, мысли помнят, что это неуютно хозяину, и в конце концов наталкиваются на что-то иное, для меня. Открытие. Новая книга. А писать в одном, найденном стиле, который якобы соответствует натуре автора, всю свою жизнь, год за годом, как Толстой, Тургенев, Набоков и прочие, какая скука, какое занудство, какой ужас! Да мне лучше повеситься!»²¹

Та же позиция у еще одного постмодерниста-сверстника, прозаика и поэта Саши Соколова, который свой творческий принцип заявляет столь же безапелляционно: каждая новая книга — в ином стиле. И здесь никакого противоречия: писать единый и единственный Текст, книгу за книгой, и при этом писать так, чтобы книга на книгу была не похожа — объяснимо не только диалектически, но и исторически: это то, что отличает футуристов от будетлянина, но, с другой стороны, ставит их на одну ступеньку по отношению к прочим литературным «измам». Обе стороны одного и то же, два друг друга дополняющих паллиатива, что позволяет как можно целостнее и полнее раскрыться автору на дистанции огромного размера — его судьбы и творческой биографии.

Соснора, с одной стороны, создает элитарные тексты, сложные по всем лингвистическим параметрам и по этическим меркам, что в среде неофициальной, андеграундной советской культуры создает ему репутацию неангажированного поэта. С другой стороны, членство в СП СССР, периодически выходящие в советских издательствах сборники, поездки за границу наводили, что называется, тень на плетень и делали его положение неясным как в неофициозе, так и за его пределами. В 1970 и 1979 годах он читает лекции по древнерусской поэтике и русской литературе XVIII века в Париже. Много ли вы знаете советских поэтов, которые получили возможность в брежневское время читать лекции в Париже? Возвращаясь к теме «партийных боссов», видимо, отсюда и растут ноги тех самых слухов: либо у Сосноры влиятельные покровители, либо родственники не менее чем в аппарате ЦК КПСС.

Прощай, Париж!
Летают самолеты, —
большое небо в красных параллелях,
дожди, как иностранные солдаты,
идут через Голландию в Берлин.

Прощай, Париж!
Я не уеду боле
туда, где листья падают, как звезды,
где люстры облетают, как деревья,
на улицы квартала Вавилон.

Прости за то, что миллион предчувствий
в моей душе, как в башне Вавилона,
прости мои монгольские молитвы,
монашество мое и гамлетизм.

Прости за то, что не услышал улиц,
моя душа — вся в красных параллелях.
Кто мне сулил исполненное небо?
Такого неба нет и не бывало.

²¹ В. Овсянников. Прогулки с Соснорой, «13 апреля 1995 года». СПб.: Скифия, 2013.

Как убывают люди и минуты!
 Атлантов убаюкали моллюски.
 Как я умру, не зная, кто из граждан
 мне в уши выливал яд белены?
 Прощай, прощай и помни обо мне...²²

Однако и этот фрагмент его биографии на удивление легко объясним: «...у меня был вечер в московском Театре сатиры, и после сразу же подошла пара: рыжеволосая женщина с громадными впадинами глаз и элегантный армянин. Они представились: Л. Ю. Брик и В. А. Катанян. До меня как-то не дошло, кто это, но я был легок на подъем, и они пригласили на ужин к себе, мы и поехали. На ужине же Л. Ю. сказала, что любит мои стихи и знает их и без Театра сатиры, цитировала, ей приносил Слуцкий, и читали статьи Асеева в „Огоньке“, „Правде“, „Литературе и жизни“ и пр. и т. д. Что слава моя громче, чем думает Асеев, и им привозили мои рукописи из Сибири, Чехии, Югославии и т. п. Я удивился, потому что я никогда не распространял себя. Но тогда уже списывали с магнитофонов. Что за время было! Стихомания!.. Кажется, это было в начале 1962-го. И затем — семнадцать лет! — она опекала и берегла мою судьбу и была мне самым близким, понимающим и любящим другом. Таких людей в моей жизни больше не было. Она открыла мне выезд за границу, ввела меня в круг лиги международного „клана“ искусств — кто это, я частично писал в книге „Дом дней“, — весь мир»²³.

Если кто-то не в курсе: проживавшая в Париже писательница и переводчица Эльза Триоле, супруга дадаиста и сюрреалиста Луи Арагона, была родной сестрой Лили Брик. Как после этого можно было не оказаться Сосноре в Париже? Безусловно, можно было и не оказаться, поскольку ОВИР не всех поклонников Лили Брик выпускал за пределы СССР, тем более в капстрану. Насколько я понимаю, в этом деле сыграл значимую роль друживший с Брик влиятельный писатель Константин Симонов — и дорога молодому советскому лектору в буржуазный Париж была открыта.

Тем не менее это было странно, поскольку к тому времени Соснора уже был опубликован в тамиздате, а в 1967 году открыто выступил в поддержку письма А. Солженицына IV Всесоюзному съезду писателей СССР против диктата советской цензуры, как политической, так и эстетической. Соснора уже открыто идет по пути не только творческого нонконформизма, но и свободного существования, что в условиях советского реализма во всех смыслах было и вызовом, и негласным признанием в антисоветчине. Было очевидным, что Соснора всеми силами пытался выйти из коммуникативного пространства, избавиться от внешнего внимания к своей персоне. Он провозглашает принцип неангажированности искусства и объявляет свое место — на периферии общественного интереса. Что сродни Диогену, нашедшему свое «я» в пределах одной бочки.

Аудитория — огул
 угодливых холуев Хама.
 Аудитория — аул
 татар,
 в котором нету храма,
 где одинаково собак
 и львов

²² В. Соснора. Прощай, Париж! Из сб. «Темы», 1965.

²³ Переписка Виктора Сосноры с Лилей Брик. Публикация Ярославы Ананко. Вступительная заметка Виктора Сосноры. «Звезда», 2012, № 1. <http://magazines.russ.ru/zvezda/2012/1/pe11.html>.

богами назначают.
 Аудитория — судьба,
 моя судьба,
 мое несчастье.
 В аудиториях — в аду
 (ад продан по абонеентам!)
 я провоцирую орду
 на юмор и аплодисменты.
 На сцене струйкою стою...
 Мои глаголы награждает
 неандертальский лай старух
 и малолетних негодяев...²⁴

Заявленная позиция: мне абсолютно все равно, читают меня или нет. Мне не важно, есть у меня читатель, а если есть, то кто он. Вообще, стихи — самодостаточные монады, и сам по себе вопрос «Есть у стихов читатель?» абсурден. В стихотворении «Хутор потерянный» «читатель стихов» — то самое нелепое, что без сарказма не стоит и обсуждать. «Я самый элитарный изгнанник русской литературы, и мою ситуацию можно трактовать шире, как изгнание из жизни», — пишет Соснора в это время, публикуясь все реже, все больше продолжая писать в стол.

Создается впечатление, что затяжная тяжелая болезнь, потеря слуха в 1981 году, в дальнейшем клиническая смерть — это, как ни прискорбно, закономерное следствие того, к чему поэт с упорством стремился: уединение, желание не принадлежать Истории, а побыстрее из нее выпасть (почти по Сэлинджеру, за исключением того, что Соснора продолжал писать и издаваться). В конце концов, несколькими словами это можно определить, как «гибель при жизни».

Выхожу один я. Нет дороги.
 Там — туман. Бессмертье не блеснит.
 Ночь, как ночь, — пустыня. Бред без Бога.
 Ничего не чудится — без Ты.
 <...>
 Нет утрат. Все проще — не могли мы
 ни забыться, ни уснуть. Был — Бог!
 Выхожу один я. До могилы
 не дойти — темно и нет дорог²⁵.

Ушелец

«С 83-го года я не написал ни одной поэтической строчки. И не считаю себя поэтом. Впрочем, никогда и не считал: постоянно писал прозу, чуть-чуть порисовывал, был спортсменом, мастером спорта. Бросил спорт — перестал считать себя спортсменом. Самое ужасное — когда человек выдавливает из себя, как из тюбика, стих, другой...»²⁶

В 2011 году Виктору Сосноре была присуждена престижная национальная ежегодная премия «Поэт». И это ни у кого практически не вызвало возражений. Тот са-

²⁴ В. Соснора. Парус. Из сб. «Темы», 1965.

²⁵ В. Соснора. ***. Из сб. «Тридцать семь», 1973.

²⁶ «Последний всадник глагола». Интервью с Виктором Соснорой в «Литературной газете», № 3, с. 5, 15.01.1992.

мый повод произнести: полный консенсус. То, что Соснора Поэт как по авангардным, так и по традиционным меркам, очевидно; то, что он достоин премии — нет сомнений, тем более что такой номинант мало кого мог бы обидеть: он давно вне контекста, называемого литпроцессом; заслуженный человек и патриарх по возрасту; сам себя предал забвению, никуда уже много лет не выходя и никаких мероприятий не посещая. Я где-то прочитал: «О нем все знают, но мало кто помнит».

Ушелец. Он давно живет в добровольном заточении, в одном из самых захудалых спальных районов Петербурга. Лето проводит раг excellence на даче. Автоэпитафия им написана почти сорок лет назад — «Посмертное», из сборника «Хутор потерянный» 1979 года. Сей текст заканчивается словами: «Человеком вторично („Восход“! „Возрождение“!) — не желаю!.. Пусть умрет ум и мир мой, только — не во чловецех, я — ничей не ловец! / Маски метаморфоз — возьмите и возрождайтесь!.. Жил он так, как желал, умер так, как умел...»

В свои 82 года Виктор Соснора сегодня — никак не ч-к. из его же текстов. И не человек вовсе, поскольку ушелец не может, да и не желает быть Человеком. Как и у всякого ушельца, у Сосноры остались на Земле толпы литературных потомков, немало продолжателей его поэтики, замороженных этим инопланетным видением и вчувствованием — с неожиданными ассоциативными сращениями и неземной звуковой плотностью, с космической чистоты синтаксисом и обновленным поэтическим языком, затягивающим, словно межгалактический вакуум.

...Угас у гроз вопрос за молью лет,
не вешняя! Всевышняя — у бедных!
Я к вам пишу вишневой кровью львят,
тех, топающих тут, не убиенных.
У них язык лилов, они — Слова,
я — им Отец, они — щенки, пернаты...²⁷

«Та львица разорвала меня на куски...» — звучит в «Пришельце» дикторский голос. Поневоле начинаешь видеть в этом сквозном образе львицы родную речь. Соснора не произносит в фильме ни слова: он совершенен в своей глухоте, при этом ничуть не страдая. Человечий язык его не беспокоит — и слава инопланетному Богу! А остальной шум, с его плеском, свистом, шорохом, скрежетом, гудением, паузами, аффрикатами и афазиями, всегда при нем, и его тело отзывается мембраной на все это звуковое богатство.

Соснора не произносит в фильме ни слова: он совершенен в своей немоте, и в случае если бы он заговорил, помочь его понять смог бы разве что М. В. Панов — фонетист, которому удалось реконструировать произношение даже Петра I. Но Панов скончался в 2001 году, поэтому Соснора молчит, методично выкуривая одну сигарету за другой.

Он ушел в себя, и только хрипловатый вдох курильщика со стажем да пневматические движения тела делают его похожим на тех, кого он называет ч-к. Вряд ли эти ч-ки догадываются о том, что стихи ушельца и есть те самые сейшельцы, только внешне подобные гуманоидным поэтическим формам. Они живут среди нас, они влияют на нас и порождают другие сейшельские тексты. Тревожные, поразительные, непонятные. И от этого совсем не страшно. Даже спокойнее. И, говоря по-сейшельски, благодарнее.

²⁷ В. Соснора. Возвращение к морю (попытка). IX. Из сб. «Мартовские иды», 1983.

